

В прошлой жизни Вэнь Шу сжёг себя заживо просто потому, что устал от бессмысленности своего существования. Возродившись, он искренне верил, что больше не ведает страха.

Какая разница, если тебе не дорога собственная жизнь? Худшее, что грозит, — ещё одна смерть, а умереть во второй раз не так уж и сложно.

Но стоило ему встретиться взглядом с Ся Чэнем, в чьих чистых глазах застыли мольба и сомнение, как бывалая уверенность мгновенно испарилась. Он малодушно отступил.

Неудивительно, что этот юноша с первой секунды показался ему таким близким. Оказывается, его личный маленький обманщик сам явился к нему.

«Интересно, если я прямо сейчас притворюсь слепым, мне поверят? Или уже слишком поздно?»

Вэнь Шу изо всех сил старался сохранить маску невозмутимости, пока в его голове искрами разлетались панические мысли. Какое там притворство! Стоило вспомнить свои сегодняшние выходки и ядовитые слова, как он отчётливо понял: выпутываться из этого дерьма будет посложнее, чем умирать.

Он и представить не мог, что ему настолько не повезёт. Не спускался с горы больше десяти лет, а стоило выбраться в люди — и надо же было сразу натолкнуться на своего маленького лунишку! Мало того, он ещё и умудрился поиздеваться над ним, едва не доведя до слёз.

Встреча, конечно, принесла Вэнь Шу огромную радость, да и Ся Чэнь, как выяснилось, искренне дорожил им. Вот только их первое знакомство лицом к лицу вышло, мягко говоря, кошмарным.

Вэнь Шу впервые в жизни почувствовал себя настолько беспомощным. Открыть карты прямо сейчас? Ся Чэнь и без того кипел от ярости. Если он узнает, что его драгоценный Цзыцзянь никогда не был слепым, Вэнь Шу точно не поздоровится.

Но молчать дальше тоже нельзя. Позволить какому-нибудь проходимцу назваться его именем и занять место лучшего друга Ся Чэня? Смириться с этим Вэнь Шу не мог. К тому же ложь не утаишь — правда всё равно выплывет наружу. И если это случится позже, пути назад уже точно не будет.

— Почему ты молчишь? — Ся Чэнь нахмурился, заметив его замешательство, и с подозрением сощурился: — Ты ведь даже не знаешь, кто такой Цзыцзянь, верно? Ладно, забудь. Я ухожу.

— Постой, — Вэнь Шу торопливо преградил ему дорогу, лихорадочно соображая, как выкрутиться. — С чего ты взял? Конечно, я знаю Цзыцзяня. Он прожил здесь много лет. Мы... мы были соседями.

— Правда? — Ся Чэнь смерил его недоверчивым взглядом. Характер у этого типа был скверный, так что верить ему на слово не стоило. — Тогда расскажи, какой он? Опиши его.

Вэнь Шу на мгновение замялся, а затем осторожно прощупал почву:

— Ну... он примерно моего возраста. И по характеру мы с ним похожи...

Он изо всех сил надеялся, что Ся Чэнь не вспомнит про слепоту, поэтому умышленно опустил эту деталь.

— Чепуха! — вспыхнул Ся Чэнь. — Цзыцзянь совсем не такой, как ты! Он невероятно мягкий и чуткий человек. Он умён, начитан, но никогда не кичится своими знаниями. Он добр, но при этом у него есть внутренний стержень. Он ко всем относится с уважением, а не ведёт себя как заносчивый, избалованный барчук вроде тебя!

Столь откровенное признание застало Вэнь Шу врасплох. Чистая, искренняя похвала от собственного маленького обманщика отозвалась в груди волной неожиданной сладости. Но когда следом прилетел сокрушительный вердикт, ему сделалось невыносимо неловко. Хотелось одновременно и смеяться, и плакать.

— Возможно, его настоящий характер слегка отличается от того, каким ты его себе представляешь, — сконфуженно пробормотал Вэнь Шу.

Ну почему среди его способностей нет клонирования? В прошлой жизни он знал одного мутанта, умевшего создавать двойников. Будь у него сейчас такой дар, всё решилось бы в один миг.

Едва он договорил, как Ся Чэнь с силой толкнул его в грудь. Глаза юноши опасно покраснели от гнева. Направив на Вэнь Шу яростный взгляд, он выплюнул:

— Издеваться надо мной — это одно! Но если ты посмеешь сказать хоть одно дурное слово о моём друге, я тебе лицо начищу!

Если этот наглец не врёт и они действительно жили по соседству, то каково приходилось бедному, незрячему Цзыцзяню с его кротким нравом? Ся Чэнь живо представил, как этот мерзавец изводил беззащитного юношу. Мог ли Цзыцзянь уехать из храма просто потому, что больше не мог терпеть бесконечные издевательства соседа?

От одной только мысли о том, сколько обид пришлось пережить его другу, у Ся Чэня болезненно сжалось сердце.

Глядя на то, как Ся Чэнь, подобно рассерженному кролику, воинственно топает ногами и сжимает кулаки, Вэнь Шу не почувствовал и капли злости. Напротив, в его душе зашевелилось

странное, щекочущее чувство азарта. За обе жизни никто и никогда не пытался его защитить. Те, кому полагалось это делать по долгу крови, плевали на него, а подчинённые видели в нём лишь несокрушимый столп и гарант собственного выживания.

И только его глупый маленький обманщик бескорыстно дарил ему тепло. Он радовался пустяковой сказке, искренне пёкся о его благополучии и теперь, будучи хрупким, мягким созданием, топорщил иголки и рвался в бой против превосходящего соперника. Как можно быть таким трогательным?

В этот миг Вэнь Шу с кристальной ясностью осознал: он больше не одинок в этом мире. В прошлой жизни он решился на самопожертвование во многом потому, что его ничто не держало. Если бы он сгинул тогда, мир бы и не заметил потери; некому было скорбеть, некому помнить.

Но сейчас всё изменилось. Рядом появился тот, кто впустил его в своё сердце. Его маленький обманщик дорожил им, сопереживал каждой его ране и делил с ним невысказанную грусть. Вэнь Шу впервые испытывал это упоительное, неразрывное единение душ.

Дыхание Вэнь Шу участилось. В его груди тёмной волной поднялась жадность. Ему хотелось большего — заставить этого юношу думать о нём ежеминутно, стать для него центром вселенной.

«Хочу, чтобы в твоих мыслях и глазах отражался только я. Только я один...»

— Эй! Так ты ответишь или нет? — Ся Чэнь нетерпеливо притопнул ногой. — Если не собираешься помогать, проваливай и не трать моё время.

Не знай этот несносный тип о судьбе Цзыцзяня, Ся Чэнь давно бы скрылся из виду.

Вэнь Шу промолчал.

Ситуация становилась критической. Если он не найдёт выход из этого тупика прямо сейчас, о безраздельной любви Ся Чэня можно забыть — тот просто вычеркнет его из своей жизни навсегда.

— Он уехал по делам, — пустился во все тяжкие Вэнь Шу. — Срочные семейные обстоятельства.

Он решил пойти по пути наименьшего сопротивления: сначала успокоить Ся Чэня, втереться к нему в доверие под настоящим именем, исправить кошмарное первое впечатление, а уже потом, выждав момент, раскрыть карты.

— Куда уехал? — не отставал Ся Чэнь.

Его тревога росла. Цзыцзянь ведь слеп! Семья, бросившая его в горной обители на десять лет, вряд ли внезапно вспылала к нему любовью и забрала домой. А если он отправился куда-то один в разгар суровой зимы, когда все дороги завалены снегом...

— Он... — Вэнь Шу судорожно перебирал в уме подходящие варианты, пока Ся Чэнь буравил его требовательным, немигающим взглядом.

[Он лжёт тебе.]

Внезапно раздавшийся в голове бесстрастный механический голос заставил Ся Чэня распахнуть глаза от изумления. Ся Тунбань вернулся в сеть в самый нужный момент. Ся Чэнь безоговорочно доверял своему системному спутнику, поэтому тут же выпалил обвинение прямо в лицо собеседнику:

— Ты мне врёшь!

Вэнь Шу поперхнулся на полуслове.

Тем временем Ся Чэнь мысленно обратился к системе:

«Тунбань, он действительно ничего не знает?»

Ся Чэнь не сомневался, что этот парень по крайней мере встречался с Цзыцзянем — иначе откуда бы ему знать его возраст?

Системный помощник выдержал короткую паузу, словно вздыхая от чужой недогадливости:

[Тебе не кажется его голос до боли знакомым?]

«Да, он кажется мне знакомым! Но я никак не могу вспомнить, где его слышал», — раздосадованно подумал Ся Чэнь. Ощущение, когда разгадка вертится на кончике языка, но ускользает в самый последний момент, ужасно раздражало.

Ся Тунбань едва не закипел от досады. Из-за жёстких протоколов безопасности и системных ограничений он не имел права раскрывать хозяину события будущего или выдавать информацию, которую Ся Чэнь физически не мог получить сам.

Когда Ся Чэнь столкнулся с Вэнь Шу в первый раз, система уже знала, к чему приведёт их общение. Ся Чэнь рано или поздно догадался бы обо всём самостоятельно. Но поскольку это относилось к грядущим событиям, правила строго запрещали системе вмешиваться.

Единственное, что мог позволить себе Ся Тунбань, — указать на схожесть голосов, которую юноша подсознательно уже уловил. Это был хитрый способ обойти системный запрет, но большего выжать из помощника не удалось бы.

Поняв, что система больше не проронит ни слова, Ся Чэнь перевёл пристальный взгляд на притихшего Вэнь Шу. Знакомый голос... Какая связь между подсказкой Тунбаня и ложью этого наглеца?

«Цзыцзянь?!»

В сознании Ся Чэня будто разорвалась петарда. Голос Вэнь Шу... Господи, да он же один в один совпадает с голосом Цзыцзяня!

Ся Чэнь не сразу сопоставил факты лишь потому, что Цзыцзянь всегда разговаривал тихо и ласково, убаюкивая своей мягкой, бархатистой интонацией. Под его сказки Ся Чэнь засыпал безмятежным сном. Этот же тип цедил слова сквозь зубы, так и брызжа высокомерием, а в его смешках сквозило откровенное лукавство. Тембр был общим, но манера речи — диаметрально противоположной. Именно эта уловка сбила Ся Чэня с толку.

— Ты... ты брат Цзыцзяня? — Ся Чэнь судорожно цеплялся за последнюю соломинку, отчаянно не желая верить в худшее.

Его Цзыцзянь не мог быть этим невыносимым наглецом. Тот был незрячим, скромным и очень добрым юношей.

Вэнь Шу долго хранил молчание. Понимая, что отпираться бессмысленно, он вздохнул и сбросил с себя всю напускную спесь. Напряжённые плечи расслабились, а голос зазвучал мягко, обволакивающе — точно так же, как во время их ночных бесед.

— Юаньбао... Я и есть Цзыцзянь.

Ся Чэнь оцепенел, неотрывно глядя на него. Лишь спустя долгую минуту он медленно, словно во сне, протянул руку. Вэнь Шу послушно закрыл глаза, позволяя чужим кончикам пальцев коснуться своих век.

— Твои глаза... Их вылечили? Или ты лгал мне с самого начала? — глухо спросил Ся Чэнь.

Ответом ему была тишина. Вэнь Шу не смел издать ни звука. Холодный липкий страх сковал его сердце: он понимал, что новая ложь окончательно разрушит всё между ними. Но признаться прямо: «Да, я обвёл тебя вокруг пальца» — у него язык не поворачивался.

Молчание сказало само за себя. Рука Ся Чэня безжизненно упала вдоль туловища. Юноша опустил голову, его плечи мелко дрожали, а слова срывались с губ беспорядочным, горьким

потоком:

— Зачем... Зачем ты это делал? Я верил тебе. Я думал, ты... ты особенный. Тебе казалось, что я круглый дурак? Забавлялся, глядя, как я распинаюсь перед тобой? Десять лет! Ты обманывал меня десять лет ради скуки? Скажи мне, кто из вас настоящий? Тот нежный Цзыцзянь из моих мыслей — он вообще существовал?!

Под конец Ся Чэнь сорвался на крик. В его покрасневших глазах блеснули слёзы, а в голосе послышались отчаянные рыдания. За десять лет привязываешься даже к безмозглому зверьку, а тут — близкая душа, с которой они каждый вечер шептались обо всём на свете, делясь сокровенными тайнами и желая друг другу доброй ночи.

И всё это в один миг обратилось в прах. А ведь по дороге в Императорскую столицу он только и думал о том, как наконец встретит своего лучшего друга.

За две жизни Вэнь Шу впервые оказался настолько загнан в угол. Хлёсткие обвинения Ся Чэня ранили его самого, заставляя задыхаться от растерянности и жгучей боли. В груди ныло так, словно его сердце сжали в железных тисках.

— Где цветок? — Ся Чэнь поспешно вытер слезы рукавом и упрямо вскинул подбородок. — Покажи мне свою юньнаньскую камелию.

Вэнь Шу побоялся отойти даже на шаг, опасаясь, что юноша сбежит. Обернувшись, он резко крикнул прятавшемуся в тени слуге:

— Чжэлю, быстро принеси мою юньнаньскую камелию! Одна нога здесь, другая там!

Чжэлю, до этого старавшийся слиться со стеной, чтобы случайно не выдать своего присутствия при столь интимном разговоре, пулей помчался исполнять приказ. Он и подумать не мог, что этот робкий с виду паренёк окажется способен отчитать его грозного господина так, что тот и слова поперёк вставить не посмеет. В мгновение ока слуга вернулся, бережно держа в руках цветущий куст.

— Коснись его, — ледяным тоном велел Ся Чэнь, едва взглянув на горшок с растением. Сердце вновь обожгло обидой — его действительно обвели вокруг пальца.

Вэнь Шу беспрекословно подчинился. Стоило его ладони коснуться лепестков, как алые бутоны юньнаньской камелии окутало мягкое свечение. В ту же секунду Ся Чэнь уловил ответную реакцию в своей Неизвестной книге магии — карта с цветком-громкоговорителем слабо завибрировала, излучая тепло. Теперь, будучи полновластным владельцем фолианта, он ощущал малейшие изменения его магического контура.

Ся Чэнь до боли прикусил губу. Резким движением вырвав горшок с юньнаньской камелией из

рук Вэнь Шу, он круто развернулся и зашагал прочь.

Вэнь Шу похолодел от ужаса. Загородив ему дорогу, он раскинул руки. Забирает цветок? Неужели это конец и Ся Чэнь навсегда вычеркнет его из своей жизни? Нет, этого он не допустит ни за что на свете.

— Прочь с дороги, — процедил Ся Чэнь сквозь зубы. — Живо уйди, иначе ударю.

Но Вэнь Шу стоял как вкопанный.

— Эта юньнаньская камелия принадлежит мне. И ты сам назвал себя моим цветочным духом. Ты обещал, назад дороги нет. Если ты так зол на мою ложь — бей меня, проклинай, делай всё, что хочешь, чтобы выпустить пар. Но уйти я тебе не позволю.

Ся Чэнь нервно усмехнулся:

— С какой стати я должен держать слово перед тем, кто бессовестно лгал мне столько лет?

— Юаньбао, но ведь в самом начале мы оба были не совсем честны... — договорить Вэнь Шу не успел: кулак Ся Чэня с глухим стуком врезался ему прямо в челюсть.

<http://bllate.org/book/18260/1762680>